

Марк Викторович Некрасовский родился в 1965 году в Луганске. Окончил Ворошиловградский государственный педагогический институт. Поэт, прозаик, детский писатель. Автор трех книг и многих журнальных публикаций. Лауреат литературной премии имени М. Матусовского. Член Союза писателей России. Живет в Луганске.

Марк Некрасовский

СЕПАР

Рассказы

“Кто не скаче, тот москаль, кто не скаче, тот москаль...» И все скакали. Все, кто стоял на Майдане Незалежности, вне зависимости от возраста, пола или здоровья. Скакали так, как будто от этих прыжков зависела судьба Украины. Геннадий прыгал вместе со всеми: раз он тут, то выделяться нельзя — чужака разорвут на части. Геннадий помнил, что именно так и с такими же лозунгами прыгали кубинцы Фиделя — «Кто не прыгает, тот янки». История развивается по спирали, правда кубинцы еще бросали в сторону Соединенных Штатов камни. Камни падали в океан, не причиняя врагу никакого ущерба, но смысл ясен: побитие дьявола — вот что сближает народ и освящает действия власти. Добро против зла. Воины света и воины тьмы. Хорошая идея. Надо ее запатентовать и получать за это деньги. Ведь можно собрать народ в Мариуполе и кидать в сторону Таганрога гравий. Это покруче километровой флага Украины или таких же рушников.

Правда, прыгали кубинцы в середине прошлого века, когда только освободились от «братских» объятий США. Куба под американцами — страна богатых отдыхающих из США и нищего, неграмотного коренного населения. Поэтому и использовали психологию толпы. Но это только

вначале строительства новой Кубы — потом пытались достучаться до разума и совести каждого кубинца. А Украина — страна поголовной грамотности, да и на дворе XXI век, а эти прыжки на главной площади Украины никого это не шокируют.

«Козье болото» — вдруг выплыло из памяти старое название Майдана. Да нет, не козье, а баранье. Только баран может тратить так бездарно свою жизнь. Ведь цель всего этого балагана сделать бедных еще беднее, а богатых еще богаче. Хотя и козлиное подходит в не меньшей степени. Только козлы — это «вожди» Незалежной, недаром в старые времена, когда пастухам надо было перегнать отару на бойню, к баранам запускали козла. Козел становился бараньим вожаком. У козлов это получается легко — наглые и напористые. И когда наступало время, козел, не мучаясь совестью (какая у козлов совесть?), вел привычным маршрутом всю отару на бойню.

Наконец, прыгать перестали, и один из толпы «козлов», стоящих на трибуне, начал рассказывать о тяжелой доле «неньки» Украины, о ее внешних и внутренних врагах. В это время сосед Геннадия — пузатый мужик в вышиванке и с висячими украинскими усами, до этого прыгавший энергичней всех, внезапно захрипел и упал на брусчатку. Судя по быстроте явившихся медбратьев и врача, майдан строго контролировался теми, кому надо. Врач прикоснулся к шее лежащего и сказал сам себе: «Еще один... И зачем он прыгал? И так видно, что не москаль...» Труп унесли, и Геннадий сосредоточил свое внимание на выступающем. Как он здесь оказался? Ведь говорили, что после премьерства он стал миллионером и бегает в красных трусах по американским пляжам. И на тебе! Опять лезет в политику. Может, деньги кончились? Не может быть! Украл он столько, что и правнукам должно хватить. У французов была линия Мажино, а у нас линия обороны имени Кролика, защищающая страну разве что от кроликов. И заметьте — построенная за те же деньги. После пламенной речи сумасшедшего Кролика толпа скандировала лозунги: «Украина понад усе!» — «Украина превыше всего...»

Затем вышел «козел» в шикарном дизайнерском платье и туфлях на высоком каблуке, нет это был не Ляшко, но назвать «козой» Юльку Геннадий не решился. Из всех украинских политиков она, пожалуй, была единственным «мужиком». Решительная, жесткая, идущая к цели по трупам врагов и бывших «друзей». Говорила она опять же о «гибридной» войне и о врагах, но вся ее речь свелась, пожалуй, к одному — победы не будет, пока президентом не станет пани Юля. После выступления Юльки пели гимн: «Ще не вмерла України, ні слава, ні воля...» Пела вся площадь. Песня и чувство локтя превратили толпу в единый организм, и каждый поющий верил, что Украина не умерла и не умрет и что «сгинуть вороженьки» и будет Украина «от Сяна, до Дону». Дон пока еще принадлежит России, но настанет день — и Дон, и Кубань, и Белгородская область, и Воронежская — все будет украинским. Пели, забывшая о гражданской войне, которую стыдливо называли антитеррористической операцией, о страшной инфляции и растущих коммунальных тарифах, о нищете и безработице, о неработающих законах и о растущем бандитском беспределе.

Геннадий пел вместе со всеми и громче всех, чтоб никто и не подумал, что он не «щирий» украинец. Тем более с его биографией: Геннадий родился и жил до войны в Луганске. И только тогда, когда первые дальнобойные снаряды стали падать на город, он собрал семью и вещи и переехал в столицу Украины. А к дончанам и луганчанам отношение сейчас

особое. Потенциальные «зрадники». К моменту, когда гимн был спет, толпа уже была на взводе: скажи — и прямо с Майдана пойдут бить внешних и внутренних врагов. И в это мгновение к микрофону подошел главный «козел» страны. Хотя он больше был похож на хряка, жирного и злоупотребляющего спиртным. Он же «пан президент». «Любі друзі. Братья и сестры. Родина в опасности», — произнес президент с дрожью в голосе и сделал паузу. «“Любі друзі”», — это он украл у Ющенко, “Братья и сестры” и “Родина в опасности” — у Сталина, — подумал Геннадий. — Значит, когда надо, и коммунистическим прошлым не побрезговал. Россия — главный враг, а фабрику свою в Липецке так и не закрыл. Такие, как он, за прибыль не только Родину, но и мать родную продадут, брата зарежут». Президент продолжил свою речь о соседе-агрессоре, которого при помощи НАТО и Соединенных Штатов Америки обязательно Украина победит. «Санкции и летальное оружие! Санкции и летальное оружие!» — как заклинание, вновь и вновь повторял президент. Затем он сделал паузу и перешел к «внутренним» врагам. «Сепаратисты — вот главное зло. Истребим их и одержим победу. Они везде. Они даже здесь с нами. Поют наш гимн и готовят теракты. Готовят “зраду”. Оглянитесь, и вы поймете, кто предатель!» И толпа, еще мгновение назад бывшая единым организмом, вдруг опять превратилась в отдельных индивидуумов, которые с недоверием смотрели друг на друга.

Геннадия рассмешила речь пана президента. Надо же — по внешнему виду искать «сепаратистов». На них, наверное, будут георгиевские ленты повязаны? Или майки с портретом Путина? Или сепаратистов будут искать по форме черепа? Один из соседей Геннадия, пенсионер в кепке с вышитым трезубом, вдруг закричал тонким фальцетом: «Нашел! Нашел!» — и неожиданно крепко для его возраста схватил Геннадия за руку. И — о, ужас! — на его, Геннадия, сумке, висевшей на правом плече, какая-то сволочь привязала георгиевскую ленту. Кольцо из разъяренных людей плотно сжалось вокруг Геннадия. Он почувствовал удары, щипки и упал на брусчатку, потеряв равновесие. Все, конец! Сейчас его затопчут насмерть «братья» и «сестры». Избиение властным окриком остановил пан президент: «Мы — европейская держава и будем судить этого сепаратиста по закону».

Геннадия подняли и, передавая из рук в руки, перетащили к помосту, на котором стояла вся козлиная братия. Пан президент продолжал: «Мы его будем судить всем миром. Как вы решите, так и будет». И Майдан, снова ставший единым организмом, начал кричать: «Москаляку — на гиляку! Москаляку — на гиляку!...». Главный козел подвел итог: «Как панство решило — так и будет!». Зазвучал марш сечевых стрельцов, и занавес за спинами «козлов» начал раздвигаться, открывая вид на эшафот и длинный ряд веревочных петель. Геннадия потащили к петле, поставили на табурет и накинули петлю на шею. И Геннадий понял, что это конец. Эти не пожалеют. Кролик называл всех луганчан и дончан «генетическим мусором» и «недочеловеками». Юлька предлагала всех сжечь «ядерной бомбой». И каждый из этих «козлов», каждый без исключения, был по горло в крови мирных жителей Донбасса. И толпа, которая поставила «козлов» во власть и поддержала войну, была не менее них виноватой в убийствах. От нее ему ждать пощады нельзя. Геннадий закричал. Вернее — завыл. Тоскливо, протяжно, безнадежно. Так кричат от безысходности, когда все уже решено, решено не тобой и спасения нет... Геннадий проснулся от собственного крика. Сердце вырывалось из груди, пульс — под двести ударов. Еще не-

много такого сна — и кондрашка хватит. Да и не сон это, а кошмар. Кошмар, реальный до ужаса. Даже тело болело от щипков и ударов, полученных во сне. В последнее время кошмары снились Геннадию почти каждую ночь. То теракт в супермаркете и лежащие на полу без движения жена и сын, а кругом — убитые и раненые. То пьяные добрабатовцы, избивающие его и сына до смерти и тянущие жену Геннадия в кусты. Каждый новый кошмар страшнее предыдущих.

Семья не проснулась от крика Геннадия — все спали с берушами. А соседи? С соседями и так хорошие отношения не сложились — пусть терпят. Если правда, что сны — это наши потаенные желания, а кошмары — наши страхи, то доля ответственности в его кошмарах лежит и на соседях. Как так получилось? Геннадий помнил, как встречали первых беженцев («переселенцев») из зоны АТО и Крыма — как героев. Не остались с сепаратистами-террористами, не сбежали в Россию. Наши! Настоящие украинцы. Правда, встречали и помогали в основном добровольцы-волонтеры за свои или собранные с небезразличных людей деньги. Да и ненадолго все это. Максимум две-три недели, ну, месяц от силы. Пан президент обещал. Но время шло, поток беженцев только увеличивался. Шли месяцы, а затем и годы. Пошли первые раненые и убитые. Дебальцевские и Иловайские котлы с тысячами убитых и раненых отрезвили самых ярких майдановцев — пропала вера в молниеносную победу. Прерванные связи с Россией оказались фатальными — продукция украинской промышленности стала невостребованной. Запад сам хотел бы продать свои товары, а Россия — «страна-агрессор», и ей продавать нельзя. Все заводы, кроме тех, которые были связаны с войной, закрылись. Рабочих уволили или выгнали в бессрочные неоплачиваемые отпуска. В стране безработица, а тут беженцы, готовые работать на любых условиях и за копейки. Квартиру не снимешь — цены, опять же из-за беженцев, поднялись. Сочувствие и понимание сменялись ненавистью и неприятием.

Геннадий вспомнил телефонный разговор с Ленкой-одноклассницей, которая переехала из Луганска в город Северодонецк, ставший областным центром Луганской области. Работу ей дали такую же, как и была в Луганске — в административной структуре, а вот поселили «временно» в санатории, в комнате с четырьмя беженками. Наступила зима, и хозяин санатория, не получивший ни копейки от государства, отключил в нем свет, воду, тепло и электричество. Елена спрашивала совета: «Что делать? В Луганске нет работы, а Северодонецке нет жизни». Что ей посоветуешь? Терпи! Может, завтра война кончится, и мы все вернемся? Но постепенно приходило понимание и уверенность, что прежней жизни уже никогда не будет. И те луганчане, что остались в Луганске, не будут жить под Украиной. И добробаты, пока не вырежут всех сепаратистов, то есть всех оставшихся, не успокоятся. Елена плакала: годы идут, а жизни нет, а Наташка ожесточилась.

Геннадий учился с ней в одной академической группе в пединституте, а потом, после выпуска, хоть и не дружили, но время от времени общались. Нормальная была девчонка! И на тебе — позвонила общему знакомому Семену, оставшемуся в Луганске, и начала кричать в трубку телефона: «Вас, сепаров, всех надо убить! Всех, кто в городе остался! Разбомбить с самолета! Всех, без исключения!» Семен пытался взывать к Наташкиному разуму: «Здесь же твои родители остались. Их тоже убить?» А в ответ — площадная брань и пожелание своим же родителям — побыстрее сдохнуть.

Выключил мобильный Семен. Спорить с такими бесполезно. Наташка удивила. Хотя, если посмотреть, то самые отпетые украинские националистки получают из бывших коммунисток. Одна Фарион чего стоит. Та самая Фарион, которая рассказывала первоклассникам, что если мальчика зовут Ваней, а не Иванко, то он должен собрать чемодан и уехать в Россию. Недаром Хайдарыч, бывший друг, ставший ярым украинским националистом, кстати, тоже в прошлом коммунист, серьезно утверждал, что правительство Украины должно вручить Фарион медаль за потерю Крыма. Шутка, в которой слишком много правды. Правда, какие они коммунисты? В партию лезли ради должностей и денег. Если завтра к власти придут люди нетрадиционной ориентации, то хайдарычи и фарионши, не колеблясь, вступят в их ряды.

Хайдарыч — тот еще фрукт. Мама — русская, папа — волжский татарин, а туда же — украинский националист. Рассуждает о трипольской культуре — прародине украинцев — с такой убежденностью, что и не переспоришь. Твердит, мол, древние украинцы-трипольцы могли одной лишь силой воли убивать врагов на расстоянии. И это при том, что от культуры Триполья не осталось письменных источников. Только керамика с определенными узорами. И утверждал еще, что язык украинский — самый древний. И хетты говорили на украинском. А первый город в Европе догадались чей? Украинский!!! А Черное море кто выкопал? Украинцы!!! А казаки-характерники? Маги, колдуны. Потомки трипольцев. Наверное, Хайдарыч до сих пор с удовольствием читает о Гарри Поттере и верит в Деда Мороза. А когда началось АТО, Хайдарыч, нисколько не сомневаясь, пошел в СБУ и сдал всех своих знакомых «сепаратистов», тех, кто думал не так, как он. И при этом страшно возмущался, что там ему не заплатили ни копейки. «Зачем ты наступал на своих друзей?» — спросил его Геннадий. И Хайдарыч ни на секунду не задержался с ответом: «Я не стучал, а сотрудничал».

А Семен был и остается для Геннадия единственным источником правдивой информации о жизни в Луганске. Геннадий звонил и спрашивал, как живет город. И, слыша каждый раз, что жить трудно, но многое делается для улучшения ситуации, не злорадствовал, а радовался и даже завидовал — да, им трудно, но они дома. Сам бы вернулся, так ведь работы нет. Хотя поначалу жаловаться на жизнь ему было грешно. В отличие от большинства своих друзей и знакомых, Геннадий переехал в Киев довольно удачно. Выехав одним из первых, он сумел перевезти на своем автомобиле не только семью, но и все деньги и ценности. Снял квартиру. Пусть и не в центре, но недалеко от станции метро и относительно, по киевским меркам, недорого. Более того, снял модуль на авторынке и открыл точно такую же торговлю автомобильными скатами и шинами, как и в Луганске.

Весь свой товар Геннадий закупал в Европе. На момент начала войны последнюю партию он не успел растаможить в Одессе. Повезло. Все перевез в Киев и стал торговать. Луганчан в городе много. Есть и небедные. На иномарках. Старые клиенты. Узнали, где торговая точка, и стали приезжать по мере надобности. Бизнес пошел. С клиентами Геннадий умеет разговаривать — любой разговор поддержит — недаром окончил исторический факультет, «комиссарский» — язык подвешен. Ведь кроме качественного товара в торговле всегда нужно уметь этот товар правильно подать. Когда селедку продают — подсолнечным маслом смазывают, чтоб блестела. Так же и скаты смазывают. Для этого у Геннадия и сили-

кон специальный и щетка для обработки. Соседи по ряду на рынке, торгующие таким же товаром, становились с утра к нему в очередь, чтоб натереть свои скаты его силиконом и его же щеткой. Геннадий не удивлялся. Любовь к халяве — это, наверное, наша национальная черта. Пытаясь сблизиться с соседями по торговле, он несколько раз приносил на рынок водку и закуску. Сосед должен быть другом. И за товаром приглаждает, когда надо отойти, и, когда вор рядом, товар не даст украсть. В Луганске все рыночники дружили между собой. И праздники, и горе все было общим. Слово дал — держи. А здесь улыбаются в лицо и делают гадости. Водку соседи выпили, еду съели, а потом, отвернувшись, каждый ел свое, принесенное из дома. Ментальность такая. Что тут сделаешь? И сегодня Геннадий взял коньячок, сухую колбаску и лимон. Еще одна попытка наладить контакты. Геннадий вышел пораньше, чтоб не встречаться с гопотой, тусующейся во дворе. В последнее время она стала проявлять к Геннадию и его семье повышенное внимание. Они же луганчане, а значит из-за них все беды, начиная от подорожавшей водки и кончая убитым на войне племянником. Оставив машину на платной стоянке, Геннадий вошел в рынок и подошел к своему ряду, в котором стоял его торговый модуль. И остолбенел от увиденного. Один из соседей заносил в свой модуль лестницу-стремянку. Другой держал в руках кисть и банку с краской. А на модуле Геннадия, над дверью, большими транспарантными буквами так, чтобы было видно издали, его «дорогие» соседи написали краской слово-приговор — СЕПАР. Стараясь сохранять спокойствие, Геннадий открыл модуль, разложил товар и стал натирать щеткой с силиконом скаты. А затем, так же не торопясь, можно сказать, демонстративно, нарезал колбаску и лимон, открыл коньяк и налил себе стопку по самый край. И соседи, абсолютно не стесняясь, тут же оказались возле его модуля. «Наливай, Генчик, чего ждешь? — Секундная пауза. — Я возьму твою щетку и силикон?» Геннадий не ответил. Налил себе еще стопку и, не торопясь, наслаждаясь содержимым, допил ее. Съев кусочек колбасы, ответил: «Вам коньяк вреден. Особенно чужой — давление повышает. И силикон пора свой купить — не обеднеете». Улыбки сползли с лиц «друзей-соседей». А Геннадий, взяв в руку монтировку, вышел из модуля и, не повышая голоса, спросил: «Есть еще вопросы?» Вопросов не было. Забились шакалы в свои модули и носа не показывали. Но мавр свое дело уже сделал. В десять утра появился постоянный покупатель Геннадия. Тоже выходец из Луганска. Но, увидев надпись на модуле, он, не глядя в глаза Геннадию и не здороваясь, прошел мимо и купил скаты у конкурентов. После обеда история повторилась дважды. А перед закрытием к модулю подошел директор рынка и, тоже не глядя в глаза, предупредил, что договор аренды он не будет продлевать по понятной им обоим причине.

Геннадий закрыл модуль и пошел на стоянку, где находилась его машина: продлить время парковки — ездить нетрезвым он себе никогда не позволял. Рядом со стоянкой толпились люди и стояли машины. Скорой помощи и милиции. «Что случилось?» — спросил Геннадий у одного из зевак. Тот посмотрел на него и ответил: «Да сторожа избил. Не давал машины с донбасскими номерами крушить. Пришли тут молодчики в балаклавах искать внутренних врагов. Дурак. Зачем он вмешался? Так им, донбасским, и надо!» Геннадий посмотрел на свою машину — окна выбиты, капот помят, фары разбиты, колеса проколоты. Посмотрел и плюнул. Что тут сделаешь? Домой он добирался на метро. Но нет худа без добра. Приехал бы на машине — попал бы под банду Вовки-Атошника.

Тот его поджидал возле придомовой стоянки. Обещал переломать Геннадию все ребра как представителю луганских сепаров. Да не вышло. Подошел Геннадий к подъезду с другой стороны и успел заскочить в него раньше, чем гопники добежали до подъезда. Дома тоже не все в порядке — жена в слезах, а сын заперся в своей комнате и молчит. Пришел домой из школы в грязной одежде, синяк под глазом. Сын долго отмалчивался, но затем признался. Бил его за школой весь класс. Учили Украину любить. Пел гимн Украины и кричал: «Слава Бандере!» Пел, пока не охрип. Только после этого отпустили.

Сел Геннадий на диван. Посмотрел на жену и сына и сказал: «Все! Возвращаемся! Хватит! Нагостились! Товар скину по закупочной. Не купят — тут его брошу! Семен не пропал, и мы не пропадем. Там мы дома, а здесь чужие. И своими никогда не станем!». И повеселели и сын, и жена. И Геннадию сразу стало на душе легко и радостно. Правильное решение. Жена расставляла тарелки на столе — пора ужинать. И тут Геннадий увидел в углу кухни спортивную сумку. «Чья это сумка?» — спросил он. «Да это к тебе Хайдарыч заходил. Наверное, он и забыл,» — ответила жена. Геннадий взял мобильник и набрал Хайдарыча. «Привет! Как дела? Что нового?» А Хайдарыч все о своем: «Будущее независимой Украины важнее судьбы простого гражданина! Счастье для истинного украинца — пожертвовать своей жизнью ради благополучия Родины!..» Так сам бы и жертвовал. А то сидит в столице — на войну не идет. Пусть другие умирают? Да ну его к черту! Не до него. Выключил Геннадий мобильник, сидит и мечтает, как он возвратится домой. Мечты его прервал настойчивый звонок в дверь. Наверное, Хайдарыч за сумкой пришел. Жена пошла открывать и как-то странно вскрикнула в коридоре. В квартиру ворвались люди в военной форме с автоматами наизготовку. СБУшники! Три секунды — и сын, и Геннадий лежали на полу, расставив руки и ноги. Один из одетых в военное снимал все происходящее на камеру. В комнату пригласили понятых. Главный (в руках у него была кожаная папка) взял сумку Хайдарыча и пригласил понятых осмотреть содержимое. А смотреть было на что. Гранаты, взрывчатка, пистолет, патроны и главный компромат — георгиевская лента. Ну и сука ты, Хайдарыч! Провокатор. Вот он о чем долдонил! Это он моей семьей пожертвовал ради счастья Украины! Интересно — денег ему теперь дали за сотрудничество?

На следующий день телеагентства Украины дали бегущей строкой новость о раскрытии диверсионной группы сепаратистов в составе трех человек, занимавшихся сбором информации и готовящих ряд террористических актов. Новость большого интереса не вызвала — каждый день такие же группы разоблачают. СБУ не спит. Работает.

КТО В ШАХТЕ ЖИВЕТ?

— Дедушка, а кто в шахте живет?

Дедушка посмотрел на внуку, улыбнулся и сказал: «Шахтеры, внученька, шахтеры».

— Нет, дедуля. Шахтеры живут дома. В шахте они работают. Посменно. Вот папа мой отработал смену и пришел домой. А кто в шахте живет? Мне бабулечка говорила, что в шахте есть домовая — Шубин. Он помогает хорошим людям, а плохим вредит. Ты, дедуля, его видел?

Старый шахтер Никита Мелентьевич грозно посмотрел на свою жену

Марию Игнатьевну, которая возилась у печки, и, обращаясь к внучке Жене, сказал:

— Не слушай бабушку. Она у нас малограмотная. Окончила три класса церковно-приходской школы. Поэтому и верит в домовых да нечистую силу, плохих примет боится. Мы, коммунисты, в домовых не верим, и ты у нас, Евгения, пионерка — верить в такие глупости не должна. А в шахте живут крысы.

— Крысы? — удивленно переспросила Женька. — А как они в шахту попали?

— По-разному. Есть шахты, в которых вход горизонтальный, вот они, следуя за людьми под землю и пошли. Там, где люди, там и крысы. А если вход в шахту вертикальный, то они попадают в шахту вместе с шахтным оборудованием и деревом для крепежных стоек.

— А что они там едят?

— То, что люди едят, то и они. С тормозком в руках не поработаешь, а положил его — считай с ним попрощался. Некоторые подвязывают тормозки на веревке за шахтные стойки, но это не помогает — крысы и оттуда достают.

— Тогда их нужно всех отравить. Чтоб не воровали.

— Нельзя, внученька. Пока крысы в забое, значит, шахтерам не нужно бояться метана. Метан — это газ такой. Он выделяется из породы. Он без запаха, ядовитый и взрывоопасный. Человек газ не чувствует, а крысы чувствуют и сразу из забоя удирают. А значит и шахтерам надо тоже уходить — плохо работает вентиляция. Ты, Женья, соседа нашего Василия Петровича спроси — его крыса от смерти спасла.

— Как спасла?

— Он когда работал в забое, то всегда делился своей едой с крысой. Представляешь, где бы он ни работал, всегда его находила одна и та же крыса. Мы тогда над ним смеялись. Василий себе «невесту» нашел. Симпатичная, верная — всегда рядом с ним, молчаливая — не ругается как некоторые... — Дедушка многозначительно посмотрел на бабушку и продолжил: — А однажды Василий себя плохо почувствовал, голова стала кружиться. Ну, бригадир и сказал ему: «Ты, Вася, отдохни, потом отработай».

Василий лег в нишу и сразу же заснул. Проснулся он от боли. Болел указательный палец правой руки. Смотрит, а знакомая крыса вцепилась зубами за его палец и тянет. Кусает больно, но не до крови. Он ее отогнал, а она возвращается и опять зубами тянет палец. Настырная. Наверное, она что-то хочет ему показать. Что может показать крыса? Не хотелось Василию вставать, а пришлось. И только он вышел из ниши и пошел вслед за крысой, как услышал грохот — не выдержала стойка и рухнула кровля. Если бы лежал в нише, то задавило бы насмерть.

— А что крыса?

— Василий так был ей благодарен, что решил на следующий день ее поймать и отнести на поверхность — освободить из «тюрьмы» — так он называл жизнь крыс под землей. И что удивительно — крыса, наверное, догадалась о его плане. Догадалась — и больше он ее никогда уже не видел. Как сквозь землю провалилась. Что он не клал в качестве приманки в свою ловушку: и мясо, и сыр, и куски сала, а ни одна крыса в его крысоловку не попала. Да и глупость он хотел сделать. Шахта для этой крысы — Родина. Да, на поверхности и еды больше, и жить легче, но Родина — это Родина, и ни на что ее менять нельзя. Запомни это, Женька, на всю жизнь...

— Ты ей о конях расскажи, — вмешалась в разговор Мария Игнатьевна. — Не хочешь? Тогда я расскажу. У тебя, Женька, дедушка мастер рассказывать о других — о себе клещами слово не вытянешь. Твой дедушка попал на шахту двенадцатилетним подростком. Время было тяжелое. По стране шла коллективизация. У кого есть лошади — кулак и подлежишь раскулачиванию и выселению. А какой казак без коня? Рождаются мальчиш, чуть подрос — дарят ему нагайку и жеребенка. Твой дедушка с Дона. Казак. И у твоего дедушки жеребенок был — Орликом звали.

— Не Орликом, а Орлом. Хороший был конь. Я на нем без седла и узды ездил. Он меня с полуслова понимал, — прервал рассказ бабушки дедушка.

Бабушка продолжила:

— А тут его семью высылают в Сибирь на поселение. Мать Никиты от тифа померла. Отец Никиты вместе с братьями погибли на гражданской войне. Кто за белых воевал, кто за красных. Из всей семьи остались дед, баба и их внук Никита. Ему тогда 12 лет было. Тогда дед твоего дедушки и приказал Никите идти работать в шахту. Труд в шахте тяжелый, каторжный — поэтому и на работу можно было устроиться без паспорта. Никто тебя там искать не будет. А если с нами поедешь — пропадешь...

Кем может работать в шахте двенадцатилетний подросток? Только саночником. Цепь на шею — и тяни ящик до забойщика. Насыпал кусками угля до самого верха и тянешь до вагонетки. Засыпали саночники вагонетку углем. Дальше работа коногона. Две вагонетки на одного коня. Бедные кони. Как их в шахту спустили, так они солнечного света больше и не увидят. Слепли они без света. В шахте и жили, и умирали. Деду твоему работать саночником было тяжело. Весят груженные санки до пятидесяти килограммов. Чтобы выполнить норму по санкам, надо было работать без перекура весь день. А рабочий день — двенадцать часов. Две недели проработал, а потом спину сорвал. Боль нестерпимая. Надо работу бросать и искать другую. А другой работы на шахте нет. А без работы умрешь с голода. Вышел Никита в последний свой день на работу, да чувствует — сегодня денег не получит — норму сделать не получится. И вдруг слышит знакомое конское ржание. Пошел на звук. Орел его любимый стоит. Купили его для работы в шахте. Тяжко вольному коню под землей работать. А дедушкин конь с норвом был — стоит и коногона не слушается. Он раньше на воле только дедушку к себе и подпускал. Бьет коня кнутом коногон — работать заставляет. Бьет, да заставить не может. Все говорит — негодный для шахтерской работы конь. Надо его на колбасу и шкуру продать. Рядом мастер стоит, головой качает, соглашается — конь негодный для подземной работы. Подошел Никита к коню, а Орел его узнал. Копытом бьет, радуется. Пошептал ему Никита на ухо — конь и потянул вагонетки. Но когда коногон подошел к коню, тот остановился и опять ни в какую не хочет работать. Подумал мастер и говорит Никите: приступай к новой работе — будешь коногоном. Обработался Никита. Рядом с Орлом буду. И ему дам облегчение, и для самого работа полегче. Да и платят больше. Так он проработал в шахте коногоном, пока ему не исполнилось 20 лет. А там война началась. Немец к Ворошиловграду подходил, а дедушка твой Никита в Красную Армию записался.

— Дедушка, а с ты конем в армию пошел? — спросила Женька.

— Да. Погиб он в Польше. Меня тоже осколком ранило. Прикрыл он меня тогда от взрыва, поэтому я и жив остался... — Дед подошел к Марии Игнатьевне, улыбнулся и сказал: — Обо мне ты все рассказала. Ты

лучше, старая, расскажи своей внучке, почему твоего отца «кенарем» все звали.

— Моего отца Игната, а значит, твоего прадеда, действительно все на шахте называли кенарем. Дед Игнат был сезонным шахтером — летом в деревне, а в не сезон шел на заработки на шахту. Был он еще подростком, когда это с ним случилось. Еще при царской власти. Работал на той шахте главный инженер. Жадный. Людей он обсчитывал, денег за работу не давал. Грубый, чванливый — всех шахтеров называл свиньями и пьяницами. Техники безопасности на той шахте не было. На технику безопасности надо было тратиться, а он не хотел — очень деньги любил. Все на себя любимого тратил. Поэтому и гибли шахтеры. То лес гнилой, стойки не выдерживают — кровля рушится. То метан накопится да взорвется. В шахту он спускаться не любил. Но когда все же спускался, то брал с собой клетку с кенарем. Ставил он ее рядом с собой на землю. Метан газ тяжелый — накапливается сначала снизу. Если он есть, то птичка умирает, а значит надо убежать на поверхность. А Игнату было жалко кенаря, вот он и угадал момент, когда инженер из кабинета отлучился, забрался в него через открытое окно, да и открыл дверцу клетки. Кенарь вылетел из клетки, сел Игнату на плечо и выдал трель. А поют все кенаря по-разному. У каждого свои коленца. Спел и улетел. Ругался главный инженер, искал виновника, грозился выгнать с работы с «волчьим билетом», чтоб никуда больше на работу его не взяли. Не нашел. Шахтеры догадывались, чьих рук это дело, но никто Игната не выдал. А потом с ним и случилось происшествие, после которого его и начали называть «кенарем». Работал он в забое еще с одним шахтером. И вдруг видит кенаря у того за спиной. Сидит птичка поет — и трель такая же, как ему пел кенарь главного инженера. Спела и давай лететь на выход из забоя. Летит, но возвращается и опять улетаёт. Догадался Игнат — это она его из забоя зовет — уходи Игнат, уходи. Игнат схватил своего товарища за руку и потащил его за собой. Только они вышли, как раздался взрыв. Взорвался метан.

— Как ты узнал о метане? — спросил его товарищ.

— А ты кенаря видел? Слышал, как он поет? Это он меня предупредил.

— Ничего я не слышал и кенаря не видел. Да ты сам как кенарь — чувствуешь беду.

С тех пор Игната все шахтеры «кенарем» и называли. Сколько раз виделась ему птичка, сколько раз он слышал ее пение и не сосчитать. Спасал он своих товарищей, и все хотели работать с ним в одну смену, в одном забое. Никто птицу не видел — только он. Он помог птице, а она спасла ему жизнь. Чудо.

В разговор вмешался отец Женьки.

— Слышу я, мама, эту историю уже много раз. Сколько тебе раз объяснять? Это не чудо. Не было никакого кенаря, а было отравление газом мозга. Просто твой отец чувствовал газ, и сразу же у него начинались галлюцинации.

— Другие не чувствовали, а он чувствовал, — возразила Мария Игнатьевна и закончила свой рассказ выводом: — Женька, делай добро, и тебе добром отплатится.

